

Литературныя новинки.

Шиповникъ, 23.—Земля, 14.

1.

И тотъ, и другой сборникъ значительно слабѣе предыдущихъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ни одной вещи, о которой будутъ много и горячо спорить. Было и неинтересно закончили эти сборники вялый и неинтересный послѣдній литературный сезонъ.

Нужно признать, что гвоздемъ сезона были сборники «Слово», въ особенности второй выпускъ, цѣлкомъ посвященный А. П. Чехову. Въ успѣхъ этого сборника есть несомнѣнно что-то симптоматическое: мы возвращаемся къ старымъ, славнымъ традициямъ.

Мнѣ кажется, что наша литература уже изживаетъ нервный и болѣзненный кризисъ исканій, который шелъ подъ знакомъ декаданса, символики и мистики, и теперь вступаетъ на путь болѣе плановнаго и спокойнаго поступательнаго движенія.

Конечно, ничего нельзя имѣть противъ исканій. Писатель не ищущій—вовсе не писатель. Но нельзя на процессъ исканія смотреть какъ на цѣль, а не какъ на средство. Исканіе ради исканія, новаторство во что бы ни стало, а не какъ результатъ разочарованія и сомнѣнія, создаетъ неизбежно ту излопанность, размагниченность и рефлексивность эстетическихъ переживаній, которой не мѣсто въ здоровомъ искусствѣ.

Сколько эстетическаго безобразія, фальсификація красоты, профанация искусства проходило въ литературѣ совершенно безнаказанно подъ флагомъ исканія новыхъ путей и формъ! И футуристы, шумно врѣзавшіеся въ успокоившуюся гладь литературы, не возмущаютъ теперь ея серьезнаго творчества.

«Шиповникъ», который раньше такъ тяготѣлъ къ декадансу и символизму, въ самое послѣднее время начинаетъ утрачивать этотъ привкусъ. Но утрачивая этотъ привкусъ, онъ не нашелъ еще своей дороги столь опредѣленно, какъ сборники «Слово». То же самое можно сказать и относительно сборниковъ «Земля».

2.

«Шиповникъ», подражая «Слову», занялся А. Чеховымъ и въ послѣднемъ своемъ выпускѣ далъ цѣнный воспоминаніе о немъ цѣлаго ряда лицъ, собравшихъ Л. А. Сулержицкимъ.

Поворотъ къ реализму ознаменовался сосредоточеннымъ интересомъ къ А. Чехову, главнымъ образомъ, къ его личности. А. П. Чеховъ очень загадоченъ, и мнѣ кажется, что наблюденія современниковъ надъ нимъ явятся важнѣйшимъ матеріаломъ для изученія его личности и ключемъ къ пониманію его очаровательнаго творчества.

А. Купринъ очень вѣрно какъ-то сказалъ, что языкъ А. Чехова можно разсматривать въ лупу. Мнѣ кажется, что и личность его можно разсматривать въ лупу—такъ она ажурна. Въ обликъ А. Чехова есть безконечная масса тонкихъ чертъ, неуловимыхъ и въ то же самое время очень для него характерныхъ.

Но нѣсколько странное впечатлѣніе производятъ сообщенія лицъ, часто встрѣчавшихъ или хорошо знавшихъ А. Чехова: во-первыхъ, кажется, что всѣ эти сообщенія ничего новаго не прибавляютъ къ облику Чехова, уже извѣстному и, во-вторыхъ, кажется, что Чеховъ—художникъ долженъ быть именно такимъ, какимъ изображаютъ его наблюдатели.

Но въ томъ-то и дѣло, что это только такъ к а ж е т с я. На самомъ же дѣлѣ, Чеховъ остается, несмотря на всѣ сообщенія о немъ, загадочнымъ писателемъ и еще болѣе загадочнымъ человекомъ. Загадочность его усиливается еще тѣмъ, что онъ необычайно простъ и въ своемъ творествѣ и въ своей жизни.

Для насъ обыкновенныхъ смертныхъ навсегда останется непонятнымъ, какое колоссальное значеніе въ глазахъ А. Чехова имѣла каждая мелочь, каждый неуловимый штрихъ, тончайшій нюансъ. И причемъ, имѣйте въ виду значеніе нюансовъ конкретныхъ, прозаическихъ, глубоко реальныхъ.

Приведу только два примѣра. К. С. Станиславскій рассказываетъ, что по поводу постановки «Дяди Вани» А. Чеховъ сдѣлалъ только одно замѣчаніе, которое относилось къ Астрову:

—Послушайте, онъ же свиститъ; это дядя Ваня хнычетъ, а онъ же свиститъ.

Онъ никогда не могъ объяснить К. С. Станиславскому, какъ нужно играть того или иного героя его пьесы, но всегда ограничивался скуднымъ, мелкимъ замѣчаніемъ, что его герой носитъ клетчатые панталоны и дражные башмаки—и только. Эта мелочь, по мнѣнію А. Чехова, должна краснорѣчивѣе всякой подробной характеристики опредѣлять его героя. К. С. Станиславскій никакъ не могъ понять, какъ можно свистѣть въ такомъ дра-

матическомъ мѣстѣ драмы. А потомъ повѣлъ А. Чехову повсе не нужно было знать чужака, его жизнь, его вѣрованія, наклонности и способности, чтобы составить себѣ о немъ опредѣленное понятіе. Однажды его школьный товарищъ, сдѣлавшійся докторомъ, затѣлъ повидать Чехова. Ему подали визитную карточку его товарища, на которой стояло нѣсколько телефонныхъ номеровъ. Онъ посмотрѣлъ на все и сказалъ:

—Гм... гм... затѣлъ столько телефоновъ.

Не надо же... Скажите, что меня дома нѣтъ.

А. Чеховъ во всемъ шелъ отъ матеріальныхъ мелочей къ внутреннему содержанию жизни. Мы имѣемъ тутъ дѣло не съ простой художественной образностью, а съ художественно-философскимъ методомъ созерцательнаго реализма, сущность котораго еще предстоитъ открыть.

3.

Въ сборникѣ «Земля» М. Арцыбашевъ продолжаетъ излагать свои обвиненія противъ женщины. Шумный, но весьма сомнительный успѣхъ его «Ревности» повидимому его поощряетъ на дальнѣйшіе подвиги на неблагодарномъ обличительномъ поприщѣ.

Своимъ «разсказомъ объ одной пощечинѣ» опять намъ говоритъ М. Арцыбашевъ о женой лести, хамелеонствѣ, похотливости, мелочности, жадности и своекорыстїи женщины. Опять онъ хочетъ убѣдить насъ, что женщины въ болѣе, чѣмъ меньше, «какъ паразитарное растеніе, которое появляется на корѣ большаго дерева въ видѣ незаметнаго вѣтвистаго моха, и сначала кажется такимъ гнѣздышомъ, слабымъ, безпомощнымъ, но, когда привѣтается, быстро пускаетъ корни въ живое тѣло, проѣдаетъ кору, обвиваетъ все дерево, сушитъ его и губитъ»...

Надо отдать справедливость М. Арцыбашеву: чтобы онъ не принялся доказывать, онъ доказываетъ страстно и настойчиво. Онъ ненавидѣлъ женщину, и вотъ всею силою своего таланта и умѣнья онъ хочетъ заразить насъ своей ненавистью къ пей.

Меня онъ не заражаетъ. Несмотря на все это искусство, женщина остается для меня такимъ же прекраснымъ—во много разъ прекраснѣе мужчины—созданіемъ, какимъ была и до женоненавистнической проповѣди М. Арцыбашева. Но когда М. Арцыбашевъ показываетъ мнѣ до какого уродства можетъ дойти современная женщина, то всѣ свои проклятія я посылаю не по адресу неизбежнаго слѣдствія, а по адресу преодолимой и уже преодолимой причины: отрицательной стороны современной культуры.

Ошибка М. Арцыбашева въ томъ, что онъ беретъ женщину вообще, женщину въ пространствѣ и времени. Но благодаря этой ошибкѣ, легко спорить съ нимъ. На примѣры глубокаго искривленія человѣческой природы можно отвѣтить образцами поразительной одухотворенности и всемірной красоты всѣхъ временъ, народовъ, классовъ и состояній.

Но если попытаться подъ характеристику арцыбашевской женщины подвести опредѣленные социальные признаки, которые всегда переходящи и всегда преодолимы, то его филиппика противъ женщины станетъ вовсе неубѣдительною.

4.

Въ сборникѣ «Земля» напечатана интересная вещь В. Вилинченко «Завѣты отцовъ». Изъ этого произведенія видно, что В. Вилинченко все еще ищетъ своей дороги, которую, казалось раньше, онъ уже нашелъ.

Въ «Завѣтахъ отцовъ» чувствуется вліяніе Достоевскаго. Сама, напримѣръ, соціальная скопченность со старинныхъ романовъ Достоевскаго. Было бы ей лучше оставаться на своемъ извѣстномъ мѣстѣ.

Неожиданныя движенія души и тѣла, ломанный, загадочный языкъ, мысли, изобилующіе предпачтенными противорѣчіями—все это встрѣчающееся почти у всѣхъ персонажей послѣдняго произведенія В. Вилинченко законнаго Достоевскаго и скрываетъ отъ насъ личность талантливаго автора, которому уже не пристало обращаться къ подражаніямъ.

Умѣнье находить, ставить и разрѣшать новыя интересные моральные проблемы является отличительной чертой оригинальности Вилинченко. И въ этой послѣдней своей книгѣ онъ смѣло поставилъ вопросъ о проституціи, вопросъ о правѣ ее проклятія—поставилъ о своей собственной вариацией той же темѣ, которую поставлена у Достоевскаго и Лавровскаго.

Внутреннее содержаніе «Завѣтовъ отцовъ» интересно и характерно для автора; внешняя оболочка—слишкомъ подражательная.

ВЛАДИМИРЪ ВЕЛИЧЕНКО